

Рождественское чудо

Рассказы современных
писателей

Серия «Рождественский подарок»

Издательский дом
«Никея»

Рождественский подарок

Коллектив авторов

**Рождественское чудо. Рассказы
современных писателей**

«Никея»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84Р7+86.372

Коллектив авторов

Рождественское чудо. Рассказы современных писателей /
Коллектив авторов — «Никея», 2016 — (Рождественский
подарок)

ISBN 978-5-91761-459-5

В рождественских и святочных рассказах традиционно присутствует чудо. Всякому, кто присмотрится к своей жизни, чудеса станут очевидны, в жизни каждого человека происходит много удивительного: необычайное стечение обстоятельств, такие повороты судьбы, что никак не могли бы произойти случайно. Но самое главное чудо — это преображение человеческой души, духовное перерождение, когда сердце открывается Богу. И это чудо часто происходит в святые рождественские дни.

УДК 821.161.1
ББК 84Р7+86.372

ISBN 978-5-91761-459-5

© Коллектив авторов, 2016
© Никея, 2016

Содержание

Предисловие	6
Владимир Гурболиков	8
Черепашка	8
Вера Евтухова	9
Голуби	9
Андрей Мерзликин	11
Однажды на Рождество...	11
Подистова Лариса	12
Рождество, мама	12
Елена Седова	20
Бабочка	20
Александр Ткаченко	21
Так мы и промычали свое первое Рождество...	21
Виталий Каплан	24
Звездой учихся	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рождественское чудо
Рассказы современных писателей
Составитель Татьяна Стрыгина

© Издательский дом «Никея», 2016

Предисловие

Чудеса сегодня

Разговор о чудесах, имевших место две тысячи лет тому назад (или еще раньше, если мы говорим о ветхозаветных чудесах), будет не закончен, если мы не попытаемся перебросить мост между «тогда» и «теперь».

Если тогда совершались чудеса, то совершаются ли чудеса ныне? И какие чудеса? И в каком случае совершаются?

Чудо – это знак Любви Божией. Господь хочет, чтобы мир, сам свободно отошедший от него, свободно и вернулся. Чтобы люди грешащие изменились – покаялись и обновились. Поэтому Господь не переполняет мир чудесами. Мир не должен быть принужден к вере поражающими воображение событиями.

И все же чудеса есть. Не быть их не может, так как мир наш все же ведом Богом, он чадом Божие.

Но где, где эти чудеса?.. Они сокрыты для неверующего, однако всякому, кто присмотрится к своей жизни, станут очевидны.

Нужно учиться видеть чудесное. Можно всю жизнь быть носимым Богом на руках – и этого не зная, вернее не обращая на это внимания.

Неверующие люди помощь Божию исключают. Для верующего человека – она несомненна. Внимательно присматриваясь к своей жизни, к жизни близких и знакомых, мы не можем не увидеть, что иное стечение обстоятельств, иная случайность или поворот жизни как будто бы вдохновлены Свыше, как будто несут на себе печать личного участия иных, неземных сил в нашей судьбе.

Мне, как священнику, практически ежедневно приходится общаться с людьми, которые молятся, то есть просят Господа, Божию Матерь и святых о помощи, поддержке, вразумлении. Могу засвидетельствовать, что такая помощь приходит и молящиеся получают просимое гораздо чаще, чем это может произойти случайно.

Когда мы молимся о чем-либо Богу, мы, смиренно понимая, что не можем объять своим разумом все бездны замыслов Божиих, ориентируясь в этом отношении на Господа нашего Иисуса Христа, добавляем:

«...впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26: 39). И мы верим, что, даже если наша молитва Богом не исполняется, это не значит, что Он ее не слышит. Бог слышит любую молитву, просто лучше, чтобы произошло что-то не так, как мы хотим в данный момент.

Христиане умеют доверять Богу... Собственно, разве не этому нас учит основная христианская молитва – «Отче наш»? «Да будет воля Твоя яко на Небеси и на земли», то есть «да будет воля Твоя как на Небе, так и на земле». О даровании нам абсолютного доверия Богу, об укреплении нашей готовности исполнять волю Божию мы и молимся ежедневно.

Чудеса, силою Божией, силою Христовой, совершаются изобильно и сегодня. Люди исцеляются, неведомым образом избегают опасностей, в их жизни происходит невероятное стечение обстоятельств. Если человек внимателен к своей жизни, он не может этого не заметить.

Для меня как для священника есть и еще одно чудо – чудо воскрешения души, чудо духовного возрождения. Чаще всего происходят именно такие чудеса. Чудо для христианина – не сверхъестественное, поражающее воображение действие. Для христианина вся его жизнь – чудо, потому что эта жизнь – жизнь перед лицом любящего Небесного Отца.

Пусть чудес пока мало. Пусть мир неохотно поддается исцелению, плохо слышит слово Божие и не спешит его исполнять. Все это до времени. Некогда Бог придет в мир, чтобы его преобразить. Навсегда приобщить к Себе. И то, что кажется сегодня чудом, станет нормой,

потому что Небо живет по своим законам, по законам послушания Богу, и не знает болезни и смерти.

Ей, Господи, гряди!

Протоиерей Константин Пархоменко

Владимир Гурболиков (Род. 1965)

Черепашка

У всех зимние праздники проходят по-раз ному: кому-то новогодние подарки приносит Дед Мороз, кому-то – родители, а в нашей семье дети получают подарки не на Новый год, а на Рождество – этот праздник им ближе и понятнее... И подарки им приносят ангелы. Однажды рождественским утром, когда детям было около четырех или пяти лет, под елкой их ждал настоящий сюрприз: они там нашли живую черепаху, прямо в террариуме. Так в семье появилось еще одно живое существо.

Но спустя примерно полгода произошла беда. В августе на даче черепашка убежала и бесследно куда-то исчезла. До самой поздней осени ее пытались искать, но так и не нашли. И тогда взрослая часть семьи поняла, что черепаха, скорее всего, погибла... Известно, что черепахи в принципе очень теплолюбивые животные, и те, кто держит животное просто на полу у себя дома, совершают ошибку. Этим домашним питомцам все-таки требуется больше тепла – например, специальная ультрафиолетовая лампа, которая помогает добрать солнечного света, так необходимого черепашке... Пережить русскую зиму сложно, и даже если она вдруг где-то устроилась на зимовку, угроз вокруг слишком много – черепаха могла погибнуть от холода, оказаться добычей местных одичавших собак или даже каких-то хищников из лесов вокруг дачи... Она могла просто убежать так далеко, что ее никогда бы не нашли. То, что черепахи якобы медлительны, – миф: в природе они иногда проходят многие десятки и даже сотни километров. Так что взрослые в семье мысленно с этой черепашкой попрощались... Но не дети! Каждый вечер перед сном они молились о ней и просили, чтобы Бог эту черепашку сохранил и помог ей пережить зиму.

И вот почти через год, в мае, нашу черепаху нашли соседи по даче! Как только солнышко пригрело, она выползла на свет – напуганная, побитая, с болячками, но живая!

Произошло маленькое рождественское чудо – по искренней детской вере. И рождественский подарок так и не был отнят – возможно, благодаря той детской молитве. Прошло уже много лет, а черепашка все еще в нашей семье: греется под лампой, всю кушает салаты и всех нас радует.

Вера Евтухова (Род. 1970)

Голуби

Эта история случилась зимой, незадолго до Рождества, с самым маленьким прихожанином нашего храма – Мишей, у которого тяжело болел дедушка.

Однажды я стала замечать, как после начала литургии малыш, постояв немного возле мамы, выходит на улицу и садится на церковной лавочке, деловито смотрит на часы, достает хлеб и... начинает кормить дружную ватагу голубей. Сидящие рядом приходские бабушки стараются отвлечь малыша, помочь скоротать время ожидания матери, но он лишь отодвигается к краю лавочки. И снова кормит голубей. И так до конца литургии. Затем они с мамой уходят домой.

Как-то раз я опоздала на литургию и, заехав в церковный двор, снова увидела Мишу, одиноко сидящего на краю скамейки. Малыш, видимо, тихонько молился, потому что его губки слегка шевелились. Увидев меня, мальчик спросил: «Тетенька, хлебушка у вас нету ради Христа?» Сколько теплоты и веры было в его голосе! Хлеба, увы, у меня не было, но зато появился повод расспросить о том, почему он постоянно выходит из церкви и садится на эту лавочку. Миша сел рядом со мной и сказал:

- До конца еще двадцать минут, а я не закончил.
- Что не закончил, Мишенька?
- Да доброе дело... – вздохнул он.
- Да о каком же деле ты говоришь и какие двадцать минут? – недоумевала я.
- Литургия Боженьке, у меня уже хлебушка нет, а мне нужно, – серьезно произнес маль-

чик, вскинув на меня свои голубые глазки.

- Зачем тебе хлебушек?
- Кормлю голубков.
- Молодец. Это очень хорошо.
- Нет, не очень. Хлебушка не хватает.
- А почему ты это делаешь, Мишенька?
- У Боженьки много дел, поэтому мало чудес.
- О каком же чуде ты молишься?
- Я молюсь и кормлю голубков, чтоб у Боженьки было время вылечить моего дедушку!

Мои глаза увлажнились. Мне нечего было сказать этому маленькому воину Христову с такой большой верой в душе. Я спросила только:

- А без этого, думаешь, Боженька тебя не услышит?..

– Не знаю. Он сказал, что если я верю, то должен работать. Я маленький еще, но голубков могу кормить и маме помыть чашки.

Этот разговор с мальчиком я теперь всегда вспоминаю в предрождественские дни. Ведь самое настоящее чудо Рождества – то чудо, которое происходит в человеческом сердце.

Андрей Мерзликин **(Род. 1973)**

Однажды на Рождество...

Однажды на Рождество мама предложила сходить в храм недалеко от дома. Просто зайти, постоять. Зашли. Стоим. И вдруг я вижу, как пожилой священник делает мне знак рукой: мол подойди. Я решил, что, раз зовут, надо подойти, мало ли что человеку нужно. Подхожу – и понимаю: священник, судя по всему, предполагает, что я пришел исповедоваться. А я ничего даже сказать не могу. О чем? Да и зачем? Я вообще об этом не думал. Но священник оказался опытным и начал говорить сам – за меня. И... я с трудом сдерживал слезы. Все, что батюшка говорил, стопроцентно в меня попадало. Буквально в каждую мою мысль, которая меня тревожила. То, что я сам для себя никак не мог сформулировать, священник выразил очень четко и назвал вещи своими именами. Он угадал даже то, что я не мог никому рассказать. Во время этой исповеди я сам не сказал ни слова. И в этот вечер впервые в жизни причастился. И потом после службы мы еще долго стояли и с этим батюшкой разговаривали... Тот груз, который я в себе носил, – его вдруг не стало. И тут бы мне сказать: «Я переродился, началась новая жизнь». Но нет. Жизнь как раз осталась прежней. Через месяц я стал тем же самым Андреем, которым был раньше.

Подистова Лариса (Род. 1967)

Рождество, мама

Мать у Сереги всю жизнь была учительницей в начальных классах. Серега ее даже после школы побаивался: все-таки мать-учительница – тот еще коктейль. Да еще и характер у нее был кипучий, минуты не могла спокойно усидеть на месте.

А потом она вдруг как-то сразу состарилась, что очень удивило и Серегу, и ее саму. То, что еще недавно делалось ею шутя, вдруг оказалось тяжело, а то и просто непосильно, и ей приходилось звать кого-нибудь на помощь. Мать раздражалась, ворчала, ругалась на Серегу, на Наташку, на внуков. Макс, старший, огрызался в ответ, мать обижалась и плакала. Сереге было ее жаль до сосущей грудной тоски, но ведь время назад не повернешь...

Потом неожиданно выяснилось, что мать крестилась. К ней стали ходить старушки, жившие по соседству, носить иконы и бутылочки со святой водой, а сама она то и дело заглядывала в церковь и ставила свечки. Серега хотел поначалу пошутить: ты чего, мол, мать, всю жизнь в партию верила, а на старости лет к классовым врагам переметнулась? Потом решил промолчать. Ведь, если подумать, на что еще пожилой женщине полагаться в этой жизни? Особенно, если муж давно умер, а у детей свои заботы. И потом, бывают обстоятельства, когда мужик просто бессилен, вот как сейчас. Пусть себе делает что хочет. Серега только наказал Наташке следить, чтобы бабульки не лезли со своими разговорами к детям, и все.

* * *

Так они и жили в одной квартире: у молодых свой уклад, современный, а у матери в комнате пахнет ладаном и воском, лампада мерцает перед большеглазыми худощавыми ликами, и на тумбочке у самой кровати лежат деревянные четки. Словно и не двадцать первый век на дворе.

А в конце ноября мать слегла. Разом, как будто только этого и ждали, навалились болезни: то сердце, то давление, то почки, то прединсультное состояние... Видно было, как силы ее день ото дня тают. И ведь не старая совсем – семьдесят три года, другие в этом возрасте еще бегают. Наташка взяла отпуск, хлопотала вокруг нее...

Серега, понятное дело, дома сидеть не мог, в автобазе работа почти как на войне: то одно, то другое. Как раз перед новогодними праздниками три МАЗа, которые были посланы в область развозить подарки по детским домам и школам, застряли в Осино из-за снежных заносов. Моисеенко, старший из шоферов, звонил и просил денег, говорил, что бесплатно их кормить не хотят. Серега подозревал, что деньги нужны были не на еду, а совсем для других целей, но по правилам полагалось выслать. Пришлось идти разбираться с бухгалтерами – удовольствие небольшое, если учесть, что главной бухгалтершей работала жена Моисеенко и ее мнение насчет того, зачем мужу понадобились деньги, полностью совпадало с Серегиным. Как решили это дело, оставалось ждать погоды. Серега каждый вечер смотрел прогноз и скрипел зубами, когда теледикторша, приятно улыбаясь, раз за разом сообщала: «На юго-западе нашей области – метели, снегопады...»

Ну, и другие проблемы, конечно, тоже были.

Дня за три до Нового года мать совсем перестала вставать. Лежала тихая, равнодушная, узнавать всех узнавала, но, если о чем спрашивали, ничего связного в ответ сказать не

могла. Наташка испугалась и вызвала участкового врача. Врачица пришла энергичная, румяная с мороза, осмотрела мать и, выйдя в другую комнату, бодро сказала:

– Похоже на микроинсульт. Сосуд небольшой лопнул, отсюда и нарушения речи. Ну, что вы хотите – человек угасает. У одних это раньше происходит, у других позже. Да еще и такой букет болезней!

– Так ведь делать что-то надо, – заикнулась Наташка. – Может, лекарств каких купить? Деньги есть...

Врач поглядела на нее с жалостью.

– Я вам их могу пачки навывписывать, и импортных, и каких хотите. Сейчас человека можно годами на медикаментах держать. Думаете, ей это нужно? Вы же сами видите, у нее интереса к жизни уже никакого. Принимайте все как есть, лучше уже не будет. Купите мазь от пролежней, продолжайте давать фурадонин, пирарцетам... И с боку на бок ее почаще переворачивайте, чтобы циркуляция не нарушалась. Глядишь, еще месяц-другой протянет. По крайней мере в праздники хоронить не придется.

Сергеа, узнав про такие дела, долго сидел на кухне, курил в форточку и думал. Дым неохотно выползал из теплого дома в темное морозное небо. Было как раз время «собачников», и то и дело вечернюю тишину пререзал звонкий лай какой-нибудь шавки, которую вывели погулять.

За последнее время Серега как-то притерпелся к мысли, что матери осталось недолго. Разговоры у них происходили редко и получались однообразными: как дела, нормально, как себя чувствуешь, нормально, хочешь чего-нибудь, не хочу... Поэтому он уже смирился с тем, что однажды ее не будет рядом. Вообще не будет на земле. И все равно – то, что это произойдет так скоро, выбило его из колеи.

Он пытался представить опустевшую комнату матери. Делалось холодно, и почему-то казалось, что даже в этой пустой комнате будет все равно витать запах лекарств или ладана – для Сереги и тот и другой были запахами болезни и смерти. Еще его угнетало, что придется писать о смерти матери старшей сестре Тоне.

* * *

Тоня жила на другом конце России, в Курске. Когда-то муж-майор вдоволь повозил ее по стране и по миру. Была она и в Чехии, и в Германии, и еще где-то, пока отовсюду не вывели российский контингент. Майор был неплохой мужик, но, к несчастью, слабый до выпивки. Возвращаясь домой после одной офицерской вечеринки, он куда-то не туда свернул, и наутро его нашли замерзшим далеко в пригороде. Тоня в ту пору уже болела ревматизмом и, когда случались обострения, передвигалась с трудом. У нее был один сын, тоже военный, неженатый, который исправно помогал деньгами, но все время был в отлучках. Большую часть времени она жила одна. Серега тоже иногда слал ей деньги, звал назад в Сибирь, но ей больше нравился Курск.

Изредка они друг другу звонили, но чаще обменивались письмами по прежней моде, которая в современной жизни, кажется, сходилась на нет. Из переписки Серега знал, что сестра, как и мать, с горя обратилась в веру, поставила в доме иконы, читает по вечерам Библию и все такое.

Серега представлял, как он садится писать сестре письмо. В какие слова можно будет уместить то, что должно случиться? «Тоня, мама умерла». Или: «Тонечка, померла наша мама». Так просто и сухо, как будто не человек ушел, а бумажная кукла порвалась. Два-три словечка – и все, так получается? А ведь это целая жизнь была, которая задолго до их с сестрой появления на свет началась. И сколько в ней для них неизвестного, и так ему теперь и оставаться

неизвестным... А про похороны как писать? Тонька вообще слезами обольется. Скажет: что же ты, Сергуня, не мог для родной матери выражений потеплее подобрать? Беда, одно слово.

Сергеа курил, вздыхал. Лучше все-таки написать, чем по телефону. На похороны Тоня приехать не сможет, она в магазин и то соседей просит сбегать. Письма теперь быстро ходят – дня три, и все... Пусть там у себя помолится, или что там у них, христиан, положено делать. Ну, да это потом, а сейчас... Эх, мамань, что же ты так торопишься-то, а? Пришла Наташка, обняла. Она у Сереги была понимающая, спокойная, не то что некоторые. Ему иногда странно было слушать, как другие мастера или водители в автобазе говорили про своих жен: как будто не домой после работы собирались, а в пещеру с тигром-людоедом. Наташка скандалов не закатывала, даже когда Сереге случалось прийти домой навеселе. Обижалась иногда, конечно, но быстро отходила. Серега ее тоже старался беречь.

Постояли немного, обнявшись и не говоря ни слова. Да и что скажешь? Когда чужие старики умирают, и то жалко. А тут – родная мать.

* * *

Новый год в этот раз получился совсем тихим и каким-то бестолковым. Мишка, младший сынок, четырехлетний, конечно, радовался конфетам в детсадовском подарке. Долго не шел спать, все хотел дожидаться, когда Дед Мороз нагрянет, чтобы положить под елку сюрприз посolidнее. Наконец заснул, забравшись под одеяло в рубашке и штанах: видно все-таки соби-рался тайком подсматривать в щелочку. Четырнадцатилетний Макс, поскучав некоторое время с родителями, сразу после двенадцати ушел к друзьям. Мать, намучившись за день, спала после таблетки снотворного. За столом, на котором хватало и закусок, и солений, и всего, что хочешь, остались только Наташка с Сергеем. Посидели еще с часок, вяло переговариваясь и поглядыва-вая на мелькающую пестроту в телевизоре.

В душе было пусто и тихо, совсем не празднично.

– Сидим, как на похоронах, – попробовала было пошутить Наташка, но тут же осеклась.

Сергеа махнул рукой.

– А Новый год для нас теперь и есть похороны. Еще один год своей жизни профукали. В детстве хотелось вырасти поскорее, вот мы и радовались: опять Новый год, Дед Мороз, ах-ах! Ждали чего-то... А теперь – чего ждать? Все подарки, можно сказать, уже получены.

– Скажешь тоже! – укорила жена. – У тебя двое детей растут. Дождешься еще подарков, не волнуйся!

– Да я чего? – смутился Серега, понимая, что последние несколько дней он был слишком занят своими мыслями и сыновьям не больно-то уделял внимание. – Пусть растут. Там поглядим.

* * *

Не ожидали, но после праздников матери стало лучше. Она полусидела на кровати, улы-балась, хорошо ела. Смеялась, когда Мишка, радуясь бабушкиному вниманию, катал по ее оде-ялу подаренный Дедом Морозом гоночный автомобильчик. С речью, правда, проблемы только усилились – мать что-то лепетала, но что, почти нельзя было разобрать. Лицо у нее заметно похудело, и глаза на нем казались больше, блестели заметнее.

– Надо, наверное, священника позвать, – задумчиво сказала Наташка однажды за обедом. Была суббота, выходной. – Раз она верующая... Что у них вообще положено делать, когда человеку уже немного осталось?

– Я-то почему знаю? Придут ее знакомые бабульки, спроси.

Как по заказу, две старушки уже топтались на пороге. Посидели с больной, поговорили с Наташкой и вдруг направились к Сереге.

– Рождество скоро, – начала одна без долгих предисловий. – Сегодня уже четвертое января.

– И чего? – буркнул Серега, откладывая газету. Он не знал, как разговаривать с этими женщинами, их всегда принимала и поила чаем Наташка.

– В храм бы маме вашей, – просительно вступила другая бабулька. – На всенощную...

– Да вы думаете, о чем говорите? – возмутился Серега. – Какая всенощная? Она из дому уже два месяца не выходит!

– Так ведь ненадолго, на часок всего! Мы вам и креслице на колесах раздобудем. И прочке хорошо будет, вот увидите. Она так всегда праздничные службы любила...

– Угу, а обратно ее на «скорой» доставят? Зовите попа на дом, если надо, но везти ее я никуда не дам. Вы, может, уже с десятков таких подружек схоронили, а у меня мать одна.

Серега и сам понял, что сморозил что-то не то, но уж очень его разозлило их предложение.

Старушки хоть и заметно погрустнели, упрямыться не стали. Быстро попрощались и ушли. Серега пробовал еще почитать, потом с досадой отложил газету. Зашел к матери. Наташка как раз взялась ее кормить обедом, уговаривала, как ребенка:

– А вот еще ложечка... И еще разок рот откроем...

Мать слушалась. Суп иногда проливался ей на подбородок, капли скатывались на клеенчатый передник в мелких веселых розочках.

Серега оторвал взгляд от лица матери и посмотрел выше, где на стене красовались в узких деревянных рамках несколько фотографий. Мать была на них молодой, полной сил. На почетном месте висел самый старый снимок – самый первый ее класс, лет пятьдесят назад. Рядом – более поздний: какой-то слет учителей еще в советские времена. Вот мать ведет урок математики – на доске за ее спиной прикреплены пять раскрашенных бумажных груш. Вот она с бывшими выпускниками, которые уже на голову-полторы выше ее... Серега вздохнул так глубоко, что заболело сердце, и тихонько вышел.

На ковре в гостиной сидел Мишка и возил руками в ящике с кубиками. Кубики гулко ворочались, бились о фанерные стенки, некоторые выскакивали и падали на пол. С каждым новым вылетевшим деревянным брусом сын издавал торжествующий крик. Видно, в том и был смысл его игры, чтобы выбросить из ящика как можно больше кубиков. Отца он даже не заметил. Серега позавидовал сыновней беззаботности. Пусть, пока маленький, порадует.

* * *

Воскресенье проползло как-то на редкость уныло и бестолково. Серега, всегда любивший выходные, на этот раз еле дождался вечера и спать лег с облегчением, что день наконец закончился.

Утром в конторе его поджидала радость. Едва он успел устроиться за своим столом, как в дверь постучали.

– Да! – рявкнул Серега, кладя на место телефонную трубку – собирался звонить в гараж. Прямо под окнами уже вовсю гудели моторы и гроыхали пустые кузова грузовиков. На пороге встали две фигуры: невысокий тщедушный мужик в черной робе и «пилотских» унтах, а позади него длинный худой парень в крытом полушубке и ватных штанах. Старший мужик ухмыльнулся и сказал сиплым голосом:

– Здоров, Михалыч! Видишь, приехали мы...

– Здравствуй... – протянул парень и показал в улыбке щербатые зубы.

– О! Своим ходом? – Серега кинулся к окну. При виде МАЗов, стоявших перед воротами гаража, у него сразу отлегло от сердца.

– А то! – обиделся Моисеенко. – Ты меня не знаешь, что ли? Я ж разве машину брошу! Я, даже когда выпимиши, за руль держусь крепко. Вот и мы, значит, где с бульдозером, где без, через сугробы и всяко-разно. Сенья, скажи! – Он повернулся к напарнику.

– Угу, – подтвердил Сенья.

– А остальные где? Пеструшин, Хабибулин, Шилкин?

– Так в гараже! – изумился недогадливости начальства шофер. – У Андрюхиного коня задний мост полетел. На ремонт, может, неделя уйдет. Ну, а как ты думал, Михалыч, по снегу-то? Мы уж и так старались, и этак, и всяко-разно, но даже после бульдозера колеса на дороге вязнут. Нас возле Нижнего Ирилаха с тросом пришлось выковыривать. Скажи, Сенья?

– Угу...

– Еще поломки есть?

– Ну, цилиндр один у нас стучит... Может, еще что-нибудь по мелочи, всяко-разно... Ты думал как – по снегу-то?

– Ясно.

На душе стало совсем хорошо. Задний мост шилкинской машине давно пора было менять. Если это и правда все неполадки, то уже на этой неделе можно послать два МАЗа на строительство в шестом микрорайоне...

– Слышь, Михалыч... Премия-то будет нам? Все-таки натерпелись в дороге. Ну и Рождество опять же, праздник, всяко-разно...

– Я-то выпишу, – пообещал Серега. – А там как начальник автобазы утвердит. Ты свою Клавдию уже видел?

– А что? – насторожился Моисеенко. Жену-бухгалтера он побаивался и даже не особо это скрывал.

– Зайди за командировку отчитайся, вот что. И других прихвати. Насчет премий – поглядим.

– Ты сразу выпиши. А то потом закрутишься, дела, то-се, всяко-разно...

– Выпишу, выпишу, не беспокойся. И перед начальством словечко замолвлю.

– Хороший ты мужик, Михалыч! – прочувствованно сказал Моисеенко. – С праздником тебя, значит, всех благ, здоровья, успехов и всяко-разно!

– Угу. Спасибо. И вас тоже... с тем же.

Шоферы ушли. Серега сделал себе пометку насчет премий, дозвонился в гараж, потом в диспетчерскую. Потом к нему пошли люди, один за другим. Где-то в районе обеда он вдруг спохватился, что осталось еще одно нерешенное дело, набрал свой домашний номер и поговорил с женой.

– Когда там всенощная-то? А куда я денусь... Можно и попозже, когда Мишка заснет. На час, не больше. Ты ее одень как-нибудь: платье там, чулки потеплее, всяко-ра... Тьфу, вот заразился! Ну, сама же все знаешь. Ладно, до вечера!

Вечером, пока Наташка в другой комнате одевала мать, Серега рассматривал елку, будто в первый раз ее видел. Мишка уже спал. Макс, которому не разрешили вечером смыться из дому, показывал свое недовольство – угрюмо пялился в телевизор. На экране дергался какой-то парень с крашеными, как у девчонки, волосами.

* * *

Елка была хорошая. Автобазовские шоферы перед Новым годом срубили ее где-то на Витюйской трассе и привезли Сереге в подарок. Невысокая, пушистая, с ровными, как на картинке, ветками, она сильно отличалась от тех лысоватых и чересчур долговязых деревьев, кото-

рыми торговали с машин на городских улицах. Игрушки тоже были необычными: большая часть их были Серегиными ровесниками, а то и старше. Они достались ему от матери, а той – от ее матери. Среди них были даже трофейные немецкие ангелочки с резиновыми личиками, приклеенными на посыпанный серебряными блестками картон, и крыльями из жестко накрахмаленного гипюра. Со временем блестки стали серыми, кружево пожелтело, резиновые щечки поблекли, но Наташка по привычке каждый Новый год вешала ангелочков на елку.

Только теперь пристраивала их не на виду, как раньше, а где-нибудь пониже, чтобы их потертость не так бросалась в глаза. Еще там были крупные блестящие бусы, золотистая верхушка с колокольчиками, большие дутые часы со стрелками, застывшими на без пяти двенадцать... Да много всего. Серега помнил, что во времена его детства елочных украшений было еще больше. Когда он брался наряжать елку, было очень интересно открывать большие картонные коробки, в которых хранились игрушки, переложенные слоями ваты. Никогда нельзя было угадать, что спрятано под очередным ватным одеяльцем. Игрушек было так много, доставали их так редко, что успевал накрепко забыть, что и куда было положено в прошлый раз...

Скрипнула дверь, по паркету зашуршали колеса инвалидного кресла, раздобытого предпринимчивыми церковными бабулками. Серега оглянулся. Мать показалась в дверях наряженная в свой лучший костюм из малиновой индийской шерсти, в котором ее провожали на пенсию. Наташка укутала ей ноги коричневым пледом, а под горлом жакета, на стоячем воротничке, прикрепила брошь, расписанную в Палехе. Серые волосы прикрывала белая вязаная шаль. Сереге даже показалось, что на обычно безучастном лице матери проявился слабый интерес к тому, что с ней делают и куда собирают.

* * *

У Сереги был микроавтобус «Газель», он его специально купил, чтобы по осени возить родных-знакомых за брусникой и по грибы. Езды оказалось всего минут двадцать, и то потому, что пришлось искать место для стоянки. Автомобилей у церкви в этот вечер скопилось много, это показалось Сереге удивительным. Он всегда думал, что на церковные службы ходят только старушки.

Внутри была тьма народу. Кресло, впрочем, пропускали без разговоров, так что удалось пробраться совсем близко к возвышению, которое Серега принял за сцену, хотя на церковном языке оно наверняка звалось по-другому. Хор уже что-то пел – красиво, но немного однообразно. Серега с Наташкой встали слева от большого центрального подсвечника, густо утыканного высокими восковыми столбиками. Кресло поставили перед собой. Мать при виде золотого блеска и множества огоньков восторженно встрепенулась, стала оглядываться вокруг.

– Надо бы хоть одну свечку поставить... – неуверенно предложила Наташка.

– Давай, – разрешил Серега.

Пока жена ходила за свечами, он тоже по-быстрому осмотрелся. На стенах между иконами, и над входом, и впереди над закрытыми воротами были пристроены еловые и сосновые лапы. Кроме ладана и воска пахло еще хвоей, этот привычный запах немного успокаивал. Народ вокруг крестился и кланялся. Серега стоял столбом и чувствовал себя не слишком уютно. Чтобы скрыть смущение, он поминутно поправлял на материной голове шаль, которая тут же опять сползала. Когда Наташка вернулась, он почувствовал себя увереннее.

Время от времени ворота открывались и выходили священники. Их было несколько. Серега так и не разобрал, кто из них главный, а кто так. Они кланялись и размахивали кадилом, что-то выкликали, народ им дружно отвечал... Вообще, служба Сереге даже нравилась, только непонятно было, зачем ей тянуться целую ночь, зачем повторять одни и те же слова, действия... Он очень скоро устал следить за тем, что происходило перед ним, а стал смотреть на мать.

Мать сидела в кресле радостная, раздумывая. Трудно было определить, что она понимает, что нет. Видя, как крестятся другие, она тоже несколько раз перекрестилась, и все оглядывалась на Серегу, как будто ждала от него одобрения. Смотрела она большей частью на золоченые иконы, на оранжевые язычки пламени, прыгавшие над свечками, но каждый раз, когда выходил священник, поворачивала голову и беззвучно шевелила губами. Видно было, что ей здесь хорошо. У Сереги сжалось сердце, когда она в очередной раз оглянулась на него и вдруг залепетала, не до конца выговаривая слова, что-то несвязное...

Он с тревогой глянул на Наташку. Та прислушалась и перевела:

– Она говорит: красиво тут очень!

– Ну так, – сказал Серега, проглатывая комок. – Ясное дело. Рождество же! Рождество, мама...

Уже, наверное, раз в двадцатый запели старинную песню, которую Серега, пока стоял, успел выучить наизусть: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...»

Он не пел, но после слов матери в груди стало тепло и щемяще, как будто и для него здесь происходило что-то хорошее. Издалека, от иконы какой-то женщины, похожей на медсестру, ему радостно кивнула знакомая бабулька из тех, что приходили к ним домой...

Они побыли еще немного, потом мать устала и начала засыпать. Голова ее свесилась на грудь, тело немного скособочилось, стремясь принять удобное положение. Как ее устраивали в машине, она, наверное, даже и не слышала. Дома проснулась ненадолго, когда Наташка ее раздевала, но стоило опустить ей на грудь одеяло, как глаза у нее снова закрылись.

На диване в гостиной спал Макс, прямо перед включенным телевизором. На экране не то полиция преследовала бандитов, не то бандиты гнались за кем-то из наших. Серега щелкнул кнопкой, и погоня закончилась. Он принес одеяло и подушку, устроил сына поудобнее. Постоял в дверях, глядя, как таинственно мерцает канитель на елке у окна. В голове все крутилось: «Рождество Твое, Христе Боже наш...» Спать почему-то не хотелось. На завтра, оказывается, сделали выходной в честь праздника. Раньше о таком никто и подумать не мог.

Наташка, ходившая в детскую проверять Мишку, вернулась и позвала спать. Легли, но еще долго разговаривали в кровати про жизнь, про детей, про мать...

* * *

Мать умерла через неделю, во сне. Дня за два до этого старушки привели к ней священника, он ее исповедал и причастил. Наташка говорила, что батюшка попался спокойный, внимательный и все прошло хорошо. Серегу очень обрадовало, что мать умерла тихо. Он больше всего боялся, что она будет долго мучиться и стонать. А у них даже не было лекарств, чтобы сделать обезболивающий укол.

Поздно вечером в день похорон, когда уже все поминальщики разошлись по домам, Серега вырвал из тетради двойной листок в клетку и принялся за письмо сестре в Курск. Глядя на чистый лист, он поначалу снова ощутил что-то вроде страха перед словами, которые следовало написать. Правда, это была уже не та мука, которую он раньше испытывал при одной мысли, что их нужно будет выложить на бумагу... И вдруг они пришли сами и составились в строчки так просто и спокойно, как будто всегда были у него в голове, только слегка подзабылись. А может, он просто их слышал от кого-то в сегодняшней суете.

«Здравствуй, дорогая сестра Тоня! – вывел он. – Сообщаю тебе, что 15 января мама наша отошла ко Господу...»

Вытер повлажневшие глаза и стал подробно описывать сестре похороны и поминки.

Елена Седова

Бабочка

Эта история произошла в Рождество 2013 года в нашем храме Казанской иконы Божией Матери в селе Медное Тверской области. Как обычно, к празднику мы с прихожанами соорудили рождественский вертеп из подручных материалов – на этот раз ими оказались железные решетки для окон. Мы составили их в форме раскрытой книги, связали между собой и обтянули белой тканью, а на пол постелили сено. В вертеп поставили детскую деревянную кроватку и положили в нее «младенца» – куклу. Кто-то принес ящичек с песком и поставил его на пенек перед вертепом. В этот ящичек многие стали ставить свечи, как перед иконой. Ребятишки молились и просили Младенца Христа за своих родителей и болеющих родственников, родители умиленно смотрели на детей и тоже о чем-то молились. На ночной службе вертеп подсвечивали разноцветными гирляндами, которые мигали и создавали праздничное настроение.

Людей на службе было много, и на удивительную гостью праздничной Литургии обратили внимание не сразу. Только после богослужения ребятишки обнаружили в вертепе... яркую черно-красную бабочку! И это в нашу-то суровую русскую зиму! Никто не заметил, как и когда именно она появилась. Бабочка тихонько сидела на «яслях» и никого не боялась – видимо, и она хотела приобщиться к великому празднику. Немного посидев на краю «яслей», необычная гостья осторожно перебралась на грудь Младенца. Но и тут бабочка не задержалась долго. Ей тоже нужно было прославить новорожденного Младенца Христа, ведь не зря говорится в Библии: *«Всякое дыхание да хвалит Господа!»* (Пс. 150: 6). Но как это сделать маленькому бессловесному насекомому? Бабочка поступила просто и мудро – она увенчала собой лоб Младенца...

Прихожан и вообще всех, кто был в храме, это необычное происшествие поразило. Думаю, мы стали свидетелями настоящего чуда – ведь бабочка проснулась не от тепла, а в самом холодном месте храма. Печка, которая там работала, рассчитана максимум на полхрама.

Мы любовались безмолвной красавицей весь праздничный день. Лишь изредка бабочка расправляла свои крылышки, желая показать, что она жива и не уснула. На следующий день летняя гостья исчезла так же внезапно, как и появилась. Больше ее никто не видел.

Не важно, маленький ты или большой, есть у тебя голос или нет – каждый может прославить Христа в этот Великий праздник.

Александр Ткаченко **(Род. 1967)**

Так мы и промычали свое первое Рождество... ***Необыкновенный рассказ-быль***

Храм, где я впервые встречал Рождество, был огромным и полуразрушенным. Он стоял на окраине города, вернее даже сказать – за этой самой окраиной. Последний городской микрорайон кончался перед речушкой, на другом берегу которой высился храм. Сразу за мостом начиналась деревня в полтора десятка домов, а чуть дальше – цыганская слободка. От автобусной остановки узкая дорожка пролегала мимо древнего скифского кургана. За ним открывался вид на церковь.

Привел меня туда мой друг Стас. Это был едва ли не первый христианин, с которым я познакомился близко. Он оканчивал тогда истфак пединститута и при знакомстве поразил меня странным сочетанием интересов. Хорошо разбирающийся в рок-культуре, любитель Pink Floyd и «Аквариума», Стас в то же время был глубоко воцерковленным человеком: регулярно исповедовался, причащался, часто ездил в недавно восстановленную Оптину Пустынь. Однажды зимой он пришел к нам в общежитие и предложил поехать с ним на ночное Рождественское богослужение. В тот самый полуразрушенный храм за речкой, где Стас служил алтарником.

На службу мы отправились втроем: Стас, я и мой сосед по комнате Володя. Для нас с Вовкой это было самое первое Рождество в жизни.

Храм был похож на старинный корабль, выброшенный на берег штормом. Величественный даже в своей разрухе, он плохо сочетался с деревенскими домиками, построенными вокруг него в советское время. Из-под облупившейся штукатурки проступали алые пятна кирпичной кладки. Железо на крыше было сорвано, и в обнажившихся ребрах стропил гулял ветер. Окна были заколочены досками, а высоко вверху на карнизе вокруг купола росли молодые березки.

Начинался 1992 год. Храм только-только вернули Церкви, денег на ремонт у прихожан не было. В относительный порядок удалось привести лишь один из приделов: залатали кровлю, вставили рамы и стекла. Вместо иконостаса перед алтарем стояла хлипкая фанерная перегородка. На нее были наклеены вырезанные из настенных календарей репродукции икон Спасителя и Богоматери. Подсвечники в храме тоже были своеобразные – широкие консервные банки, приколотые к деревянной стойке. Их наполняли песком, а в песок ставили свечи. Сейчас таких жестянок уже нет в природе, а тогда в них продавали селедку. Уцелевшие фрагменты росписи на стенах чередовались с выцарапанными в штукатурке репликами типа: «Здесь был Вася». Вместо колоколов на звоннице висел пустой кислородный баллон с отрезанным днищем. О начале службы староста возвещал, ударяя по нему какой-то железякой, кажется пальцем от тракторной гусеницы.

Вообще, от первого Рождества у меня осталось в памяти полное отсутствие какой-либо помпезности. Да и откуда бы ей было взяться тогда... Как-то очень неформально все происходило. Просто собрались люди ради серьезного, нужного дела. И делали его в меру своих сил и средств, не смущаясь нищетой, сквозившей из всех щелей.

Пением на клиросе заведовала удивительная женщина – Лариса Михайловна. Еще в советские времена она с благословения архиерея на два года уходила петь в старообрядческий храм, чтобы освоить сохранившийся там древний знаменный распев, или, как его еще называют, «пение по крюкам» (из-за специфической системы записи этого распева, где ноты напо-

минают крюки и топорики). Освоить-то она его освоила... А вот хор ей достался небогатый: три бабульки с дребезжащими от старости голосами. Мужских голосов не то чтобы не хватало – их вообще в хоре не было. Поэтому, увидев в храме двух незнакомых парней, Лариса Михайловна пошушукалась со Стасом и тут же утащила нас с Вовкой к себе на клирос.

Стас ушел в алтарь, готовиться к службе, а Лариса Михайловна с ходу принялась обучать нас знаменному пению. Ее не смущало то, что до начала богослужения оставалось минут двадцать, а ученики ей достались на редкость бестолковые. Просто она была очень рада, что теперь у нее в хоре есть целых два мужчины. И упускать такой подарок судьбы Лариса Михайловна явно не собиралась. Весело щебеча, она раскладывала перед нами листки с какими-то иероглифами. Мы смотрели на них как баран на новые ворота и испуганно пытались объяснить нашей руководительнице, что ничегошеньки в этом не понимаем, что и текст-то на церковнославянском можем прочесть лишь раз с пятого. А уж «топоры» и «крюки» знаменного распева для нас не темный лес даже, а непроходимые джунгли.

Но Ларису Михайловну это ничуть не смутило. Она кивнула, понимающе улыбнулась и сказала:

– Ребята, главное – чтобы пела душа. Попробуйте без слов, без музыки просто помычать басом.

Мы с другом переглянулись и, набрав в грудь побольше воздуха, принялись гудеть так низко, как только могли. Лариса Михайловна была в восторге.

– Вот, отлично! Так и будем петь! Главное – следите за рукой. Я буду указывать, где нужно будет замолчать, а где гудеть дальше.

Началась служба. И мы добросовестно мычали без слов, а Лариса Михайловна плела над этим нашим мычанием какую-то тонкую вязь необычных мелодий. Бабушки на клиросе тоже что-то тихонько пели и поглядывали на нас с явным одобрением. А Лариса Михайловна просто лучилась счастьем – целых два мужских голоса!

Так и промычали мы свое первое Рождество. Без слов. Словно волны, пришедшие поклониться Младенцу Христу. Отопления в храме не было, изо рта вырывались клубы пара. Батюшка торжественно возглашал: «Бог Господь и явися нам, благословен Грядый во имя Господне», Стас выходил на амвон с огромной свечой, Лариса Михайловна с бабушками пели, мы с другом мычали басом. И на душе у меня впервые за многие годы было спокойно и радостно.

Служба закончилась. Священник уже без облачения, в пальто, накинутом поверх рясы, тихо разговаривал с прихожанами. Женщины подметали пол, выложенный потрескавшимися каменными плитами. Бабульки скатывали какие-то коврики и хлопотали возле импровизированных подсвечников. Шла обычная уборка.

И тут произошел казус, о котором я до сих пор не могу вспоминать без улыбки. Старостой храма был тогда Василий – тихий, застенчивый мужчина с печальными глазами. Более кроткого человека я, пожалуй, и не встречал. Меньше всего его можно было заподозрить в хулиганстве или иронии. И вдруг этот кроткий Василий подходит к священнику и звучно так говорит: «Вот, батюшка, хрен вам». А акустика в храме замечательная: если громко что-то сказать, слышно в каждом углу. Все присутствующие, не веря своим ушам, медленно развернулись туда, где батюшка беседовал с Василием. А тот уже понял, что сморозил что-то не то. И лихорадочно пытался размотать какой-то бумажный кулек. Наконец порвал бумагу и вытащил на всеобщее обозрение... четыре здоровенных корня хрена. Первым тогда расхохотался сам батюшка, а за ним и все остальные. Как потом выяснилось, батюшка накануне расхворался и попросил Василия принести ему этот корень для какого-то хитрого рецепта.

А после мы все вместе вышли из храма и отправились в гости к Гавриловне – жизнерадостной старушке, которая жила в маленьком домике неподалеку. Стояла ночь. Под ногами хрустел снег. Мы шли молча. От печных труб поднимались длинные столбы дыма. Я оглянулся.

Храм темнел на фоне звездного неба. Сейчас на нем не было видно следов разрушения, и на мгновение вдруг показалось, будто я перенесся куда-то в девятнадцатый век: Рождественская ночь, деревня, храм...

С какой-то пронзительной ясностью я вдруг осознал тогда, что Церковь оказалась последней ниточкой, связывающей нас, сегодняшних, с нашим прошлым. Ведь все изменилось вокруг, совсем другой стала жизнь. Лишь храм над речкой остался тот же, что и двести лет назад. Ночью на Рождество в нем идет та же служба, что и двумя веками раньше. И люди точно так же шли когда-то из церкви в тепло своих домов, чтобы разговеться после долгого поста...

С тех пор прошло уже без малого двадцать лет. За это время мне приходилось бывать в разных храмах. Сегодня в них все, что называется, по чину и благообразно – резьба, позолота, писанные иконы, колокола. Купола теперь в золоте, а на клиросах слаженно поют многоголосые хоры... Это, конечно, замечательно. В короткий срок наша Церковь сумела подняться из руин, и можно лишь радоваться этому чуду.

Но для меня то далекое Рождество остается каким-то особенным, близким сердцу и родным. Наверное, в полуразрушенном храме все же уютнее было моей растрепанной душе. Похожи мы тогда оказались с этим храмом в своей разрухе. За двадцать лет церковные здания восстановили. С душой все оказалось гораздо сложнее...

Виталий Каплан **(Род. 1966)**

Звездой учихся

1

Метель кончилась, мутные бурые облака разошлись, сползли к горизонту, освободив пронзительно-черное, усыпанное льдинками звезд небо. В лучах фонарей, точно обрывки елочной мишуры, посверкивал свежавывающий снег. Конечно, это ненадолго, скоро опять вернется слякоть, снег скукожится, расплзется серой кашей, – но пока что морозец набирал обороты. Михаил Николаевич поежился в своей тоненькой, «на рыбьем меху», куртке. Твердила же Марина: надевай дубленку, простынешь. Но в тяжелую дубленку не хотелось. Про себя он называл ее «скафандром» и всячески старался оттянуть неизбежное.

Надо было торопиться. Хотя транспорт и ходит в эту ночь до двух, но и служба-то, оказывается, затянулась. Михаил Николаевич этого не заметил – рождественская утренья, как и в прошлые годы, выдергивала душу из привычного потока времени, и все становилось иным – ярким, солнечным. Точно прошлись влажной тряпкой, вытерли накопившуюся пыль. Даже травой запахло, хотя откуда здесь летняя трава? Вот хвоя – другое дело, перед иконостасом стояли невысокие, затейливо украшенные елочки, да пол в храме был выстелен темно-зелеными ветками. Но почему-то вместо положенных «мандарина, корицы и яблок» грезилось что-то июльское, горячее, пронзительно-настоящее. А что именно – он понять не мог.

И лишь после Причастия, после отпуска, после целования креста, пообщавшись с многочисленными знакомыми, Михаил Николаевич кинул взгляд на часы. Ну надо же! Без четверти два! Еле-еле домчаться до метро. Это если в хорошем темпе. А если опять напомнит о себе сердце? А что делать? Обещал же он Марине. Ведь так и не ляжет, бедная.

На занесенной свежим снегом улице было безлюдно. Лишь редкие цепочки следов тянулись вперед, в сторону площади, где метро и автобусы. Видимо, наиболее практичные прихожане, рассчитав время, ушли сразу после отпуска. А другие живут рядом, в пределах пешей ходьбы.

И еще здесь было удивительно тихо. Далеко, со стороны проспекта, слышалось что-то машинное, но как бы и не всерьез. И ветер, хищно завывавший вечером, теперь увял. Лишь снег скрипел под подошвами, предвещая хоть и недолгие, но все же настоящие морозы.

Конечно, он опоздал. В два часа едва-едва лишь проявились огни площади. Там горела малиновым пламенем буква «М» – большая и бесполезная. Не мог столичный мэр расщедриться хотя бы до половины третьего? А, чего уж теперь!

Машину поймать? Было бы на что... Как на грех, денег в кармане ноль с копейками. Не подумал, не положил...

Вернуться в храм? Тоже вариант. Просидеть в тепле до утра, даже чаю горячего выпить. Но Марина... Самое скверное, что и не позвонить, дома телефон вторые сутки молчит. А ремонтников дождешься... Как потянулись с католического Рождества пьяные недели, так и продлятся до старого Нового года. Давно надо было купить ей мобильный. Но казалось – зачем? Есть же городской номер, почти бесплатный. Тем более она уже никуда и не выходит.

А теперь что ж, кусай локти. Вот тебе и праздничное настроение! Ведь изведется же вся...

Оставалось одно – идти пешком. Путь, конечно, неблизкий, часа полтора займет, а то и больше... Но в любом случае он сэкономит как минимум пару часов. Два часа ее нервов, глотания таблеток, скачков давления. Может, она все-таки хоть немного поспит? Увы, он слишком хорошо знал свою жену.

Ну да ничего, Господь не оставит. Тем более в такую ночь. Рождество же! Мысленно произнес молитву о болящих и другую – о путешествующих, Михаил Николаевич неспешно двинулся вперед. Бежать незачем, силы надо экономить. Да и мороз, в случае чего, сам подгонит, заставит шевелиться. Вон уже и уши начинает пощипывать.

2

– Слышь, Костыль, тормозни! – распорядился с заднего сиденья Репей. – Давай лоха подберем. Замерзнет, жалко.

Костыль недовольно обернулся. После коньяка Репья порой тянуло на благородные глупости. Особенно после хорошего коньяка. У Мумрика был хороший, Мумрик дерьма не держит. Костыль заценил, пускай и совсем смальца. Все-таки не любил он бухим садиться за руль. Мало ли... От ментов, положим, соткой отмажешься, но ведь и конкретно впилиться можно. Вон как Зубной в прошлом году. Правильный пацан был Зубной. Земля ему пухом. «Его пример – другим наука», – выползла из глубины мозгов школьная строчка. Костыль поморщился. Он не любил вспоминать школу. Не самое лучшее было время.

Ничего, вот завалятся они на три дня к Репью на дачу, и там уж он оторвется по полной. Бурый девочек подвезет, с хавкой и бухаловом у Репья всегда порядок. Будет что вспомнить.

– Репей, да на фиг нам этот бомжара? – кисло поинтересовался Шуряк. – Он нам весь салон завоняет.

Шуряка тоже развезло, но совсем в другую сторону, нежели бригадира. Если Репей рвался причинять добро, то Шуряк, напротив, обижался на весь мир и искал, на ком сорваться.

Находилось не всегда, и положение спасали только девки. Если были под рукой.

– Не похож он на бомжару, – возразил Репей. – Типичный лох. Глянь, чистый, бритый. Очкарик. Доцент небось.

– Доцентов давить! – твердо заявил Шуряк. Он не простил академическому миру, что его выперли со второго курса. Хотя, подумал вдруг Костыль, может, ему и повезло. Ну ладно, ну два года в кирзачах, зато жизнь понял и вписался потом в нее, в жизнь. А иначе бы чего? Сидел бы за компом, программки ваял, глаза портил. И за сколько? Двести, триста? Детский сад, штаны на лямках.

Впрочем, сейчас Костыль был солидарен с Шуряком. Подбирать мужика незачем. Пускай топает по своим мужичьим делам и держится подальше от серьезных людей. Однако Репей, которого повело на добро, настаивал, а с бригадиром лучше не заводится. Костыль знал, что у того шарики порой могут зацепиться за ролики, и тогда случается всякое. Ладно, пес с ним.

Он притормозил джип в двух метрах впереди от скучного дядьки. Тут же Репей распахнул дверцу и призывно замахал руками:

– Слышь, отец, тебе далеко топать?

Дядька обернулся. Репей был прав – на бомжа тот не походил. Прикид, конечно, смешной и явно не новый. Но не воняет. Или так по морозу кажется?

– До Преображенки. – Струйки пара вылетали из мужика вместе со словами. – А что?

– Далекий путь, – усмехнулся Репей. – Ладно, залазь, подбросим. Как раз и по пути.

Мужик на какое-то время задумался – то ли не верил в неожиданное счастье, то ли струхнул. Что там за очками делалось, Костыль не видел. А потом, решившись, лох потянул на себя дверцу и полез на заднее сиденье. Здесь, в тепле, окуляры у него вмиг запотели, и на какое-то время он потерял ориентацию.

– Поудобнее устраивайся, – добродушно прогудел Репей. – На всю задницу. Давай, Костыль, двигай.

Тот с готовностью вдавил педаль, и черная морозная тьма, расцвеченная случайными огоньками, потекла мимо них. Да, повезло мужику, что дача у Репья по Ярославке. Крюк бы уж точно делать не стали. Ради какого-то лоха...

– Издалека топаешь? – поинтересовался Репей.

Шуряк, вынужденный перебраться на переднее сиденье, мрачно смотрел вниз. Чувствовалось, что нехорошо ему. Не блеванул бы, опасливо подумал Костыль. Как-то он уж очень быстро наклюкался...

– Да вот после ночной службы домой иду, – отозвался мужик, малость согревшись в жарком салоне.

– И что ж у тебя за служба такая? – прищурился Репей. Костыль видел его ухмылку в зеркальце заднего обзора. – Типа и опасна, и трудна?

– Ну как... – Мужик, похоже, удивился. – Церковная служба. Рождество ведь Христово сегодня. Кстати, с праздником.

– Взаимно, – отозвался Репей. – Мы вон тоже отмечаем. Великий типа праздник. На, прими! – Он достал плоскую серебристую фляжку и протянул гостю. – Давай, за Рождество!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.